

М. В. Ляпон

*Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
lyapon@list.ru*

СТРАТЕГИИ КОМИЧЕСКОГО. ПЕРИФРАЗирование ИДИОМЫ (КРОССВОРД, АНЕКДОТ)

Цель статьи — обратить внимание на характерную для современной вербальной коммуникации экспансию экспериментальной метафоры. Специальный объект внимания — факты, подтверждающие активное использование препарированной идиоматики, вовлекаемой в языковую игру. Изучаемые приемы комического иллюстрируют: 1) смысловые смещения, обусловленные фигуральной логикой; 2) буквализацию фразеологизмов; 3) «мерцающие» смыслы, извлекаемые из реконструируемого надтекста, подтекста, затекста; 4) информацию на языке жеста и др. В статье также прокомментирован характерный для современной игровой риторике опыт контаминаций, нивелирующих междужанровые различия «кроссворд ↔ анекдот». В таких случаях отправитель информации выполняет сверхзадачу. Например, в анекдоте об ученом, разгадывающем кроссворд и сосредоточенном на поиске антонима к слову *эврика*, комический эффект сопровождается шлейфом производных ассоциаций. «Целительные рецепты» от фрустрации («обман, неудача, тщетная надежда») облечены в форму фразеологизмов, подсказанных затекстом. В результате соль анекдота (его суперсмысл) дополняется прагматически значимой информацией. Продукты остроумия стимулируют творческую инициативу читателя-разгадчика при интерпретации тенденциозных анекдотов. Изучаемый материал демонстрирует неисчерпаемость креативного потенциала языка и подтверждает эвристическую результативность экспериментаторов в области игровой риторике.

Ключевые слова: природа комического, языковая игра, анекдот, кроссворд, игровая риторика, фразеология, ассоциации.

*Предельная открытость языка и есть
его победа*

П. Рикёр

*Случаи, когда возникает аномалия,
дают нам гораздо больше информации,
чем те случаи, когда все идет гладко*

З. Вендлер

*Гомер дает каждому, что тот может
взять*

А. Фет

Основная задача статьи — привлечь внимание к феномену остроумия. Экспансия комического рассматривается как тенденция, захватывающая разные сферы современного вербального общения.

Заслуживает ли тема остроумия серьезного исследования? «Я думаю, что это не подлежит сомнению», — так отвечает на этот вопрос Зигмунд Фрейд [1997: 15].

Юмор нуждается в интерпретации в разных аспектах, учитывая психофизиологическую природу самой смеховой реакции, ее защитные функции. Человек устает чувствовать себя постоянно рабом логики и здравого смысла. Наше подсознание напоминает нам о том, что у разума есть сильный конкурент — неконтролируемая энергия эмоции. Смеховая реакция — состояние психокинетическое; в нем отражается двойственная природа феномена смеха, действующего в двух направлениях: заряжать энергией и отнимать ее. В самом деле, смех обезоруживает (смеющийся человек «уличен» в искренности, и искренность в такой ситуации неподдельна). В смехе человек отдает себя во власть стихии, чтобы вернуться во власть разума, сохраняя при этом чувство юмора — способность, отличающую нас от животных.

Фрейд обращает внимание на один затекстовый фактор, важный для адекватной оценки остроты: она должна быть нова для слушателя и в этом случае действует ошеломляюще. «Это свойство остроты, обуславливающее ее недолговечность и побуждающее к продукции все новых и новых острот, проистекает, очевидно, из того, что ошеломить или застигнуть врасплох можно только один раз. При повторении остроты внимание направляется на выплывающее воспоминание о первом разе. Исходя из этого, мы можем понять затем стремление рассказать слышанную остроуту другому человеку, который еще не знает ее» [Фрейд 1997: 154]. Фрейд подчеркивает неподдельность реакции, ее спонтанный характер.

Под влиянием таких факторов, как императивы остроумия, прелесть новизны, антипатия к шаблону, к заигранным ментальным стратегиям, нивелируются жанровые различия между анекдотом и кроссвордом. Причастность анекдота к комическому жанру не требует доказательств. Притязания кроссворда на этот жанр объяснимы его аналогией с паремией.

«Почему так трудно объяснить, что в шутках смешного? И почему трудно сказать, что такое шутка? Существует ли “базисная грамматика юмора” или “глубинная комическая структура”? <...> Чем дольше мы занимаемся поисками этой общей структуры, тем более очевидным становится отсутствие единства во всех многообразных проявлениях юмора» [Минский 1988: 297].

Слово стремится обрести новые способы употребления, т. е. слово пребывает в лексиконе «в ожидании» непредсказуемых смысловых модуляций; метафора — это только один из вариантов полисемии, вариант, при котором слово «работает по совместительству», не отменяя своих стационарных словарных значений.

В электричке молодой человек сидит, сжав голову руками, рядом с компанией подростков, своих сверстников, но не принимает участия в их шумном, оживленном споре о чем-то. На вопросы приятелей «Что с тобой?» отвечает: «У меня мигрень». Случайный попутчик, наблюдая ситуацию, вмешивается в разговор: «Молодой человек! У вас *не может быть мигрени*. Это недуг аристократический. Другое дело, если у вас *жбан раскалывается*»¹.

Обновляя заигранные «бродячие» сюжеты, авторы анекдотов варьируют приемы комизма, используя креативный потенциал лексики; при этом фиксируемая контекстом периферийная информация обогащается дополнительными смысловыми акцентами.

После недельной кропотливой работы с микроскопом крупный ученый поднимает свои красные от усталости глаза и обращается к коллегам:

— Господа, вы не подскажете антоним к слову *эврика*?

Рассматриваемый анекдот во всем объеме его содержания (надтекст, подтекст, затекстовые умозаключения) намекает на то, что изображаемый персонаж был лишен какого-то (заслуженного?) поощрения. Речь идет о состоянии, которое в медицине называется фрустрацией².

Автор анекдота об ученом конструирует модель поведения, рекомендуемую человеку, потерпевшему *фиаско*³: *не падать духом; смотреть на вещи открытыми глазами; взять себя в руки; не терять чувства юмора и чувства собственного достоинства; называть вещи своими именами; смотреть правде в глаза*. В дополнение к перифразам, изображающим ситуацию, напрашиваются устойчивые речения: *смех сквозь слезы; горечь поражения; хорошая мина при плохой игре*⁴. В поведении

¹ Ср. в кроссворде: *Вопрос*: «“Жбан”, который болит с похмелья» (*ответ*: «голова»).

² Фрустрация (лат. *frustratio* ‘обман, неудача, тщетная надежда’) — психическое состояние, возникающее в ответ на объективно непреодолимые трудности и включающее эмоции гнева, чувство раздражения.

³ Изображаемый персонаж, очевидно, пытается разгадать кроссворд, в котором искомым антоним к слову *эврика* — *фиаско* (это слово в данном контексте адекватно не только стилистически, но и по количеству букв).

⁴ *Хорошая мина при (в) плохой игре* ‘о внешне спокойном поведении, видимости благополучия, предназначенных скрыть чтон. плохое’ [ТСРЯ: 448].

персонажа из анекдота опознаем известный постулат З. Фрейда, который подчеркивал роль комизма («смехотворения») как целительной силы, энергетического заряда, подавляющего душевные конфликты. Остроумие, по Фрейду, является деятельностью, направленной на получение удовольствия от интеллектуальных процессов. Пуант, положенный в соответствии с правилами жанра анекдота, в данном случае отсутствует, точнее говоря, он скрывается в слове, которое в тексте прямо не названо. Читателям анекдота предлагается «помочь» персонажу ответить на вопрос внутритекстового кроссвордиста, т. е. найти антоним к слову *эврика*, принимая во внимание склонность персонажа цитируемого анекдота к высокопарному слогу (ср.: *Господа!*; *эврика*). Слово *фиаско* соответствует вербальной идионорме ученого, а также его поведенческой стратегии (информация, необходимая для осмысления его реакций).

Современный кроссворд привлекает внимание читателя-разгадчика множеством разноаспектных ассоциаций, провоцируемых вопросом составителя игры-загадки. Маскируя подсказку, намекающую на идиому, такой кроссворд оказывается источником (своего рода потенциальным «инвентарем») идиоматики, фразеологии в разных версиях этого понятия (поговорки; поговорки; поверья; приметы; «крылатые» цитаты, претендующие на мудрые изречения; максимы в роли афоризма; группировки, выделенные по лексико-грамматическим признакам; «сращения» — «единства» — «сочетания» в классификации В. В. Виноградова⁵ и др.).

Вопрос: Автомобиль, у которого «крыша едет» (*ответ:* кабриолет) <идиома *крыша поехала* — намек на автоматически складывающийся верх кабриолета>.

Вопрос: Чувство в шаге от безумной любви (*ответ:* ненависть).

Вопрос: Ломаная монетка за никчемную вещь (*ответ:* грош).

Вопрос: Везунчик, обласканный судьбой (*ответ:* баловень).

Вопрос: Птица, которую пытаются натянуть на глобус (*ответ:* сова) <сова, бодрствующая в темное время суток, — образный аналог движущейся ночи>.

Вопрос: Работяга, который *кирпича просит* на стройке (*ответ:* каменщик) <в данном случае буквализация замаскирована дезориентирующей идиомой⁶>.

Вопрос: Ватерлиния на ноге пьяницы (*ответ:* колено).

Вопрос: Врач, которому пациенты «строят глазки» (*ответ:* окулист).

Сам процесс созревания итогового ответа не оставляет видимых следов; речь идет о состоянии сознания, которое ощущается субъектом как «невербальное внутреннее слово» (М. Мамардашвили); как «жестикуляция смыслов» (А. Белый); как некая «порождающая активность» (М. Бахтин). Идиома расчленяется на условно автономные части. Разгадчик опознает в вопросе идиому в полном составе

⁵ О трудностях категоризации идиоматики писал В. В. Виноградов в своих статьях «Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины»; «Об основных типах фразеологических единиц в русском языке» [Виноградов 1977а; 1977б]. Таксономия идиоматики остается проблемой, заслуживающей внимания лингвистов.

⁶ *Кирпича просит* 'прост. об отвратительном, грубом лице' [ТСРЯ: 336].

и выделяет из нее искомое ответное слово. Напекающий вопрос в кроссворде пре-парирован таким образом, чтобы разгадчик опознал в нем подсказку искомого слова; с этой целью подразумеваемая идиома может расчленяться.

В соответствии с игровым режимом загадки вопрос во многих случаях прозрачно намекает на внутреннюю форму искомого слова.

Вопрос: Знойная «талия» земного шара (*ответ:* экватор).

Вопрос: Лодырь, «мотающий головой» (*ответ:* лоботряс).

Вопрос: Насмешник, не скрывающий белоснежную улыбку (*ответ:* зубоскал).

Вопрос: Кусачая муха с «плохим зрением» (*ответ:* слепень).

Вопрос: Формалист, «пожирающий алфавит» (*ответ:* буквоед).

Вопрос: «Единогласная» часть слова (*ответ:* слог).

Вопрос: Жучок-«фонарик» (*ответ:* светлячок).

Вопрос: «Расческа» среди моллюсков (*ответ:* гребешок).

Вопрос: Тракторообразный овощ (*ответ:* кабачок).

Вопрос: Гладкоствольное охотничье ружье, заряжаемое «нецелыми числами» (*ответ:* дробовик).

Вопрос: «Таинственный» шкаф с откидной доской, заменяющей письменный стол (*ответ:* секретер).

Вопрос: Участница «маскарада» из молочных продуктов (*ответ:* ряженка).

Заслуживает внимания техника подсказки, при которой кроссвордист в своем вопросе намекает на обычай, народную примету, поверье — популярный в узусе данного социума «культурный знак», необходимый разгадчику для восстановления в памяти нужного слова.

Вопрос: «Прибыль» от найденной подковы (*ответ:* счастье).

Вопрос: «Счастье», прибитое над дверью (*ответ:* подкова).

Вопрос: Воспитательный стык стен (*ответ:* угол).

Вопрос: Человек, отпугивающий деньги (*ответ:* свистун).

Вопрос: Огородная «конкурентка» аиста-«демографа» (*ответ:* капуста).

В современной коммуникации популярность кроссворда подтверждается анекдотами, в которых разгадчик предстает как персонаж-типаж (реалистический, комический, пародийный и т.п. — так или иначе увлеченный игрой-загадкой). Пример междужанровой комбинации — дружеский шарж на предприимчивого разгадчика кроссворда:

Звонок по телефону.

— Алло, такси? Вы в столицу Казахстана возите?

— Извините, нет, слишком далеко. Вы представляете, где мы и где Астана?

— Ага спасибо... Ас-та-на... Шесть букв... Подходит!

Высшее образование в наше время необходимо. Когда вы выйдете на пенсию, вдруг вам повезет найти работу сторожа, как вы без образования будете *кроссворды отгадывать?*

В отличие от кроссворда анекдот — жанр рассказывательный. Благодаря этому преимуществу автор анекдота может использовать интонацию как средство, дезориентирующее при интерпретации смысла.

Сравним два текста.

- (1) *Вопрос* в кроссворде: дерево в названии российского ракетного комплекса (*ответ*: тополь).
- (2) *Анекдот*: Увидел новость: Тóполя Моне продали за 22 млн долларов. Долго думал, кто такой Мона и почему ему так дорого продают ракеты.

В данном случае мы наблюдаем пример междужанрового параллелизма: искомое слово в кроссворде (*ответ* — *тополь*) служит подсказкой к анекдоту, который построен как загадка. Ответ в анекдоте остроумно замаскирован: человек, читающий текст новостей бегущей строкой («Увидел новость...»), ошибается в ударении (речь идет о картине французского живописца Клода Моне «Тополя»).

Категоризация анекдотов при изучении их «системных связей» [Шмелева, Шмелев 2000: 593–594] может быть дополнена информацией о персонажах и сюжетах, подтверждающих тесные междужанровые контакты «анекдот ↔ кроссворд».

Приведем несколько примеров, включающих речения разного синтаксического формата.

Когда женщина говорит о *надежном мужском плече*, то, как правило, имеет в виду шею.

Разница между друзьями и врагами чисто анатомическая: первые в трудную минуту *подставляют плечо*, вторые — *ногу*.

Главный тренер футбольной команды на вопрос, почему он не ставит на игру талантливого нападающего, пояснил журналистам, что тот *потерял форму*. Не понимаю: клуб же богатый, они что, не могут ему другую футбольную амуницию выдать?

Подтяжка лица — это молодость, *притянутая за уши*.

Хороший стоматолог *не всем по зубам*.

— Сапожник, как говорится, без сапог. А вон у того человека вообще ничего нет.

— Почему?

— Потому что он *мастер на все руки*.

— Что за профессия вообще такая — кинолог?

— *Не твое собачье дело*.

Студент Сидоров всегда берет в булочной два хлеба, потому что *одним хлебом сыт не будешь*.

Вот говорят, что *противоположности сходятся*. Но тогда почему не могу сойтись с какой-нибудь умной, красивой и богатой женщиной?

Доктор (мужу пациентки, в ее отсутствие): Мне ваша жена *не нравится*.

Муж: Мне она давно уже *не нравится*.

<На языке медиков означает: *диагноз настораживает*>.

— Надеюсь, Вовочка, я *не увижу*, как ты сегодня списываешь контрольную?

— Я тоже на это надеюсь.

<Автор анекдота конструирует комическую ситуацию, используя разночтения глагола *видеть*, который «создал свою собственную грамматику и логику употребления» [Арутюнова 1989: 21]. Ученик игнорирует предостережения: он рассчитывает на то, что учительницу подведет ее зрительный анализатор и она не увидит, как (каким образом) он осуществит свой замысел⁷>.

Из телепередачи «Кабачок “Тринадцать стульев”»:

Пан спортсмен:

— Вчера у меня голова чуть не лопнула.

— Почему?

— Я был на лекции пана профессора; он говорил очень умные вещи, а у меня *в одно ухо вошло, а из другого не вышло*.

«В Китае фраза “*чихал я на тебя*” приравнивается к покушению на убийство»⁸.

Мотиватором комического эффекта могут служить так называемые мелкие слова, например дейктические местоимения в сочетании с предлогом⁹. Один фрагмент из диалога персонажей в кинофильме «Приключения барона Мюнхаузена»:

— Если вы не прекратите так фамильярно со мной обращаться, я мужу пожалуюсь!

— А кто у нас муж?

Чтобы исправить грубую оплошность, сохранить расположение женщины и предотвратить конфликтную ситуацию, ухажер меняет тактику общения: благодаря примирительному у *нас* (вместо у *вас*) актуализируется модальный акцент «соучастие». В результате изображаемая ситуация оборачивается безобидной шуткой, намекающей на любовный треугольник, в котором невольно оказались оба.

⁷ «Л. Витгенштейн усматривал принципиальное различие между чисто перцептивным и когнитивным видением. <...> Он называл зрительное восприятие, включающее интерпретацию объекта, “видением как...”» [Арутюнова 1989: 24]. В русском языке ситуация, фиксирующая визуальный опыт, передается синтаксической моделью «видеть, что...».

⁸ Намек на эпидемию, вызываемую коронавирусом. Коронавирусы — семейство вирусов, имеющих на поверхности характерные бахромчатые выросты в виде короны; некоторые виды — возбудители ОРЗ. Коронавирус передается воздушно-капельным путем.

⁹ О вторичных значениях местоимений *мы, вы, они* см. [КРГ: 207].

Примыкающие к полнозначному слову модальные ремарки (частицы, междометия) способствуют формированию широко употребительного речения-эвфемизма. Диалог построен на каламбуре:

- Фаина Георгиевна! Что ж вы не спрашиваете, как я живу?
- Роза, как вы живете?
- Ой, *и не спрашивайте!* [Раневская 2004: 64].

Пример речения, претендующего на афоризм:

Наш ответ на извечный шекспировский вопрос «Быть или не быть?»: эх, была не была!

При толковании некоторых анекдотов мы ощущаем присутствие некоего «фантома» — «эксперта», побуждающего нас всерьез анализировать текст, как если бы вымышленная ситуация была тождественна реальной жизненной коллизии.

Я позвонил другу и спросил, что он делает. Он ответил, что работает над акватормической обработкой керамики, алюминия и стали в условиях ограниченной среды. Я был впечатлен... Поинтересовавшись, я узнал, что он моет посуду горячей водой под присмотром жены.

Читатель сталкивается с неоднозначностью анекдота:

1) версия *маскирующая*: человек представляет себя своему собеседнику находящимся как бы в экспериментальной лаборатории (работает с керамикой, алюминием, сталью и т. п.); эта версия соответствует принципу «Тьмы низких истин мне дороже нас *возвышающий* обман»;

2) карикатура (пародия) на тех, кто, не владея навыками естественной разговорной речи, вынужден пользоваться языком, заштампованным книжно-письменными нормами.

Наблюдения над фактами спонтанного остроумия убеждают в том, что «градус» комического (и соответственно, эффект удовольствия) определяется своевременностью актуализации: реплика, озвученная вовремя, превращается в перл даже в тех случаях, когда в ней речь идет о рутинной, обыденной реальности, в которой нет ничего смешного. В одной из дискуссий о категории грамматического рода Д. Вайс, рассматривая ситуацию в немецком языке, затронул вопрос о приоритетах «мужское / женское» начало¹⁰ в социокультурном аспекте. Д. Н. Шмелев, оппонировав докладчику, откликнулся шуткой: «А как у нас по-русски? Вечером, если на кухне гора невымытой посуды, то муж скажет жене: “Ложись спать! *Завтра вымоешь!*”»

Примером невербализованной шутки служит эпизод, рассказанный Максимом Галкиным. Во время торжественного правительственного приема в Кремле среди

¹⁰ Шутка на тему «Флексия как отпечаток категории рода в структуре языка синтетического строя»: «Жизнь женщины — сплошное ла-ла-ла... Встала, разбудила, проводила, приготовила, убрала, забрала, накормила, уложила... Короче, просто песня».

гостей присутствовал Геннадий Хазанов. Генерал, проходя мимо Хазанова, хлопнул артиста по плечу. Хазанов в ответ целует это свое плечо, демонстрируя отклик на языке жеста. Импровизированный «ответ» Хазанова можно истолковать не как безобидную шутку, а как адекватный (окрашенный иронией) отклик на фамильярность¹¹. Так или иначе, присутствующие наблюдали остроумный блиц-диалог, подтверждающий семиотическую природу юмора, потенциальную неоднозначность комического — его форм и мотиваций.

Информативность языка жеста подтверждает Ф. Г. Раневская.

Раневская обедала в ресторане и осталась недовольна и кухней, и обслуживанием.

— Позовите директора, — сказала она, расплатившись.

А когда тот пришел, предложила ему обняться.

— Что такое? — смутился тот.

— Обнимите меня, — повторила Фаина Георгиевна.

— Но зачем?

— На прощание. *Больше меня здесь не увидите* [Раневская 2004: 109].

Фразеологические ресурсы языка целенаправленно вовлекаются в сферу комического, подтверждая взаимодействие креативного потенциала языка с индивидуальным даром остроумия. Женщина, способная *остановить коня на скаку*, преобразована в анекдотический персонаж, который развивает интригу в сторону конфликта:

Принцесса так и не дождалась *принца на белом коне*, потому что его *остановила на скаку случайно встретившаяся на пути русская женщина*.

Остроумный пример буквализации идиоматики приводит Б. Ю. Норман [1987: 178–189]. Автор ориентирует читателя на опознание замаскированных устойчивых речений:

Хага Макара стояла с краю на кисельных берегах реки Молочной. Встав как-то поутру с прокрустова ложа и вломившись в открытую дверь, Макар подлил масла в огонь, вывел на чистую воду уток и привычно погнал куда-то телят. Утро было ясное, как божий день. Отмахнувшись от дыма без огня, Макар покатился по наклонной плоскости вниз, к стаду. На пастбище телята разбрелись — кто в лес, кто по дрова. Макар сел в лужу, закусил удила и просто открыл ларчик с ломаным грошом, который он ошибочно принял за чистую монету. Послышался звон. «Откуда он?» — подумал Макар и посмотрел вокруг сквозь пальцы...

Пользуясь языком метафоры, данный эксперимент можно назвать «стриптизом разоблаченных фразеологизмов». Для тех, кто изучает русский как иностранный, будет полезно задание: опознать русские идиомы, в родном языке обучающихся найти возможные смысловые эквиваленты.

¹¹ *Похлопывать по плечу кого-н.* ‘неодобр. относиться покровительственно или панибратски’ [РСС 1: 495].

При изучении стратегий комического мы убеждаемся в том, что языковая игра «живет вне рамок противоположности “мудрость — глупость”» [Хёйзинга 1992: 16]. Шутка — аномалия целенаправленная, диктуемая потребностью разрушить клише, чтобы «сдвинуть» истину с насиженного места. Наблюдаемые приемы комизма подтверждают закономерность, сформулированную Э.М. Береговской в остроумном иносказании «Язык заигрывает с нами». С оглядкой на полисемию читатель использует множество измерений смысла, которые так или иначе задействованы в контексте и безразличны для адекватного толкования комического эксперимента.

Литература

- Арутюнова Н.Д.* «Полагать» и «видеть» (к проблеме смешанных пропозициональных установок) // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М. : Наука, 1989. С. 7–30
- Виноградов В.В.* Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // *Виноградов В.В.* Избранные труды. Лексикология и лексикография. М. : Наука, 1977а. С. 118–139.
- Виноградов В.В.* Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // *Виноградов В.В.* Избранные труды. Лексикология и лексикография. М. : Наука, 1977б. С. 140–161.
- КРГ — *Белоусов В.Н., Ковтунова И.И., Кручинина И.Н., Лопатин В.В., Ляпон М.В., Плотникова В., Суханова М.С., Улуханов И.С., Шведова Н.Ю.* Краткая русская грамматика. М. : Наука, 1989. 726 с.
- Минский М.* Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. 1988. Вып. 23. С. 281–309.
- Норман Б.Ю.* Язык: знакомый незнакомец. Минск : Вышэйшая школа, 1987. 222 с.
- Раневская Ф.Г.* Случаи, шутки, афоризмы. М. : Захаров, 2004. 160 с.
- РСС — Русский семантический словарь. Словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. М. : Азбуковник, 1998–. Т. 1–.
- ТСРЯ — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / ред. Н.Ю. Шведова. М. : Азбуковник, 2007. 1175 с.
- Фрейд З.* Остроумие и его отношение к бессознательному. СПб. ; М. : Университетская книга : АСТ, 1997. 320 с.
- Хёйзинга Й.* Homo Ludens. Статьи по истории культуры. М. : Прогресс, 1992. 464 с.
- Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д.* Современный русский анекдот: языковые характеристики // Русский язык сегодня. Вып. 1 / отв. ред. Л.П. Крысин. М. : Азбуковник, 2000. С. 587–596.

M. V. Lyapon

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Russia, Moscow)

lyapon@list.ru

STRATEGIES OF THE COMIC.

PARAPHRASING AN IDIOM (THE CROSSWORD PUZZLE AND THE JOKE)

The objective of the paper is to attract attention to the expansion of the experimental metaphor, typical for modern verbal communication. Special emphasis is put on the facts that confirm the active use of idioms in the language play. The paper gives examples that illustrate (1) the tactics of hinting prompts, (2) methods of using idioms in the literal sense, (3) “flickering” meanings, extracted by the reader from the reconstructed sub-text, supertext, or context. Contamination neutralizing inter-genre differences between the crossword and the joke, which is characteristic of modern language play rhetoric, is discussed. It is shown that in such cases, the author that provides the information performs a supertask. For example, a joke about a scientist who is solving a crossword puzzle and seeks to find an antonym for the word *eureka*, has the comic effect accompanied by a chain of derivative associations. Healing “prescriptions” are clad in phraseological units prompted by the context. In this case, the ultimate sense, or gist, of the joke acts as an implicative model of an “if... then...” type. Wits stimulate the creativity of a reader solving a riddle (a crossword puzzle), or interpreting a biased joke. The material studied demonstrates the vastness of the creative potential of the natural language and confirms the heuristic effectiveness of experimenters engaged in language play rhetoric.

Key words: nature of the comic, language play, joke, crossword puzzle, play rhetoric, phraseology, associations.

References

Arutyunova N. D. [*Polagat'* ‘to believe’ and *videt'* ‘to see’. On the issue of mixed propositional attitudes]. *Logicheskii analiz yazyka. Problemy intensional'nykh i pragmaticheskikh kontekstov* [Logical analysis of the language. Problems of intensional and pragmatic contexts]. N. D. Arutyunova (Ed.). Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 7–30. (In Russ.)

Belousov V. N., Kovtunova I. I., Kruchinina I. N., Lopatin V. V., Lyapon M. V., Plotnikova V., Sukhanova M. S., Ulukhanov I. S., Shvedova N. Yu. *Kratkaya russkaya grammatika* [The short Russian grammar]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 726 p.

Freud S. *Der Witz und seine Beziehung zum Unbewußten*. Leipzig, Wien, Franz Deuticke, 1905. 217 s. (Russ. ed.: Freud S. *Ostroumie i ego otoshenie k bessoznatel'nomu*. St Petersburg, Moscow, Universitetskaja Kniga Publ., AST Publ., 1997. 320 p.).

Huizinga J. *Homo Ludens: A Study of the Play-Element in Culture*. London, Routledge & Kegan Paul, 1949, 217 p. (Russ. ed.: Huizinga J. *Homo Ludens. Stat'i po istorii kultury*. Moscow, Progress Publ., 1992. 464 p.).

Minsky M.L. Jokes and the Logic of the Cognitive Unconscious. *Cognitive constraints on communication*. L. M. Vaina, J. Hintikka (Eds.). Springer, 1982, pp. 175–200 (Russ. ed.: Minsky M. Ostroumiye i logika kognitivnogo bessoznatel'nogo. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*, 1988, iss. 23, pp. 281–309).

Norman B.Yu. *Yazyk: znakomyi neznakomets* [The language: a familiar stranger]. Minsk, Vysheishaya shkola Publ., 1987. 222 p.

Ranevskaya F.G. *Sluchai, shutki, aforizmy* [Cases, jokes, aphorisms]. Moscow, Zakharov Publ., 2004. 160 p.

Shmeleva E.Ya., Shmelev A.D. [The modern Russian joke: linguistic characteristics]. *Russkii yazyk segodnya. Vyp. 1* [Russian language today. Iss. 1]. L. P. Krysin (Ed.). Moscow, Azbukovnik Publ., 2000, pp. 587–596. (In Russ.)

Shvedova N.Yu. (Ed.). *Russkii semanticheskii slovar'. Slovar', sistematizirovannyyi po klassam slov i znachenii* [Russian semantic dictionary. A dictionary organized by classes of words and meanings]. Moscow, Azbukovnik Publ., 1998–. Vols. 1–.

Shvedova N.Yu. (Ed.). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedenii o proiskhozhdenii slov* [Explanatory dictionary of the Russian language with information about the origin of words]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2007. 1175 p.

Vinogradov V. V. [Basic concepts of Russian phraseology as a linguistic discipline]. *Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya* [Selected works. Lexicology and lexicography]. Moscow, Nauka Publ., 1977a, pp. 118–139. (In Russ.)

Vinogradov V. V. [On the main types of phraseological units in the Russian language]. *Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya* [Selected works. Lexicology and lexicography]. Moscow, Nauka Publ., 1977b, pp. 140–161. (In Russ.)